

Интервью с Николаем Ивановичем Рыжковым¹, как пример «живой истории»

©Владимир Васильевич Запарий

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

Аннотация. Публикация основана на интервью с Николаем Ивановичем Рыжковым, который является самым выдающимся из ныне живущих выпускников нашего университета (УПИ-УИИ-УГТУ-УрФУ). Ее предваряет небольшое вступление профессора В.В. Запария о предыстории этой встречи и характеристика предыдущей встречи с Рыжковым на официальном торжестве в честь его 90-летия два года назад. Текст дается без изменений, в ряде случаев приводятся пояснения.

Ключевые слова: Николай Иванович Рыжков, интервью, история СССР, воспоминания, Уральский политехнический институт, Уралмаш.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Запарий В. В. Интервью с Николаем Ивановичем Рыжковым, как пример «живой истории» // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №3. С. 144-154.

Interview with Nikolai Ivanovich Ryzhkov, as an Example of «Living History»

©Vladimir V. Zapariy

Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

Abstract. The publication is based on an interview with Nikolai Ivanovich Ryzhkov, the most outstanding living graduate of our university (UPI-UII-USTU-UrFU). It is preceded by a short introduction by Professor V.V. Zapariya about the background of this meeting. And a description of the previous meeting with Ryzhkov at the official celebration in honor of his 90th birthday two years ago. The text is given without changes, in some cases explanations are given.

Key words: Nikolai Ivanovich Ryzhkov, interviews, history of the USSR, memoirs, Ural Polytechnic Institute, Uralmash.

FOR CITATION: Zapariy V. V. Interview with Nikolai Ivanovich Ryzhkov, as an Example of «Living History» // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №3. P. 144-154. (in Russ.)

¹ Председатель Совета министров СССР (1985–1991), Депутат Совета Союза Верховного Совета СССР (1974–1989) от Свердловской области. Лауреат Государственной премии СССР (1969, 1979). Член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации с 2003 до июля 2020 года, затем сенатор Российской Федерации. Герой Труда Российской Федерации (2019), Национальный Герой Армении (2008). Информация из свободных источников.

Сначала несколько слов о предыстории этого события.

Моя командировка в Москву на конференцию была согласована с директором института и заведующим кафедрой. Были куплены самые дешёвые билеты, когда раздался звонок первого проректора Д.В. Бугрова.

Он начал издалика.

— Понимаете, Владимир Васильевич, недавно нашему выпускнику Николаю Ивановичу Рыжкову исполнилось 90 лет. И в Совете Федерации 15 декабря состоится конференция по экономической истории СССР в 1980-е годы, посвященная этому событию. Он ведь наш самый значимый из живущих выпускников. Возглавлял правительство СССР в последний его период. И мы должны его поздравить. Ну, Вы понимаете — университет. То есть, Вам придется лететь в Москву и поздравить его от имени университета.

— Да, — ответил я, — я уже взял билеты.

Удивлённому первому проректору, я объяснил, что у меня в это же время состоится конференция в институте истории естествознания и техники РАН², и я готов объединить эти два мероприятия.

Действительно, я, поприсутствовав на открытии конференции в институте истории естествознания и техники, отправился в Совет Федерации, где должно было состояться мероприятие, посвященное 90-летию Николая Ивановича Рыжкова, нашего выпускника и председателя правительства СССР в последние годы его существования.

Я раньше никогда не был в здании Совфеда. Оно выглядит очень презентабельным, но не помпезным. Внутри было все торжественно, флаг Российской Федерации в большом просторном холле. Мероприятие проходило в одном из залов на третьем этаже. Зал был огромный с большим столом президиума, с табличками с именами товарищей, которые должны были за ним сидеть. Это были фамилии людей, которые были или до сих пор находятся на слуху каждого.

Три ряда небольших столов напротив президиума, по том стулья по бокам для всех желающих. Я нашел свой стол во втором ряду с табличкой, на которой была написана моя фамилия. И стал осматриваться. Появился Юрий Александрович Петров — директор Института Российской истории. Мы поприветствовали друг друга. Узнаваемых лиц было много, но лично знакомых мне, было пересчитать по пальцам. Рядом сидел А.М. Чернецкий, бывший мэр Екатеринбурга. Вскоре появились Н.И. Рыжков и сопровождающие его лица. Его сразу окружили присутствующие, задавали вопросы, заговаривали с ним.

Так как у руководства вуза не было идей, относительно того, что подарить юбиляру от имени УрФУ, а бюджет на подарок не был мне делегирован, то я сам решил, что буду ему дарить. Для этого я из своих запасов нашел книгу «Профессура УГТУ–УПИ»³ в написании и в издании которой я принимал активное участие, еще я взял последний значок-ромбик УГТУ–УПИ. Подготовил я и выступление по экономическому развитию СССР в 1980-е гг., как было заявлено в названии конференции⁴, посвященной юбилею Рыжкова. Текст затем я передал организаторам, и они его

издали уже в 2020 г. в прекрасном сборнике материалов конференции⁵.

Было много приветственных слов от официальных лиц и от представителей Белгородской области, от которой он является сенатором, а также от друзей и соратников. Большая часть выступлений, была реально посвящена не научным вопросам, а тому, как судьба свела того или иного выступающего с Николаем Ивановичем, и как это здорово. Было, правда, выступление его коллеги и друга, академика РАН и директора одного из проектных институтов, который принялся делать доклад о деятельности своего института, который был никому не интересен и достаточно скучен. Доклад был долгим, и все облегченно вздохнули, когда он был завершен. Вел заседание Н.В. Федоров, бывший министр сельского хозяйства и глава Чувашии. Вел со вкусом, искрометно и весело.

После столь блестящего выступления директора института, он сказал, что планируется выступление самого Николая Ивановича и поэтому желательно выступления ограничить.

— Однако, — продолжил он, — мы не можем не дать слово представителю Уральского федерального университета, бывшего УПИ, который в свое время закончил Н.И. Рыжков и предоставил мне слово.

— Понятно, выступать последним, дело неблагодарное, — сказал я, — и поэтому не стану делать официальный доклад, хотя текст у меня имеется и доклад подготовлен. Вместо этого по поручению ректора вуза, хотел бы поздравить Николая Ивановича с его замечательным юбилеем, пригласить его на столетний юбилей нашего университета, и вручить ему наши скромные сувениры.

Далее я зачитал официальное приветствие от ректора вуза, от директора института новых материалов и технологий, бывшего металлургического и механического факультетов, где обучался Н.И. Рыжков. Ему была вручена копия документа о его обучении в УПИ со всеми экзаменами и зачетами, а также оценками по всем предметам, в том числе и за дипломирование. Я пошутил, что уже тогда он получил оценку «отлично» по истории КПСС, поэтому его дальнейшая карьера была вполне закономерна.

Затем вручил ему ромбик УГТУ–УПИ и толстый зеленый фоллиант — книгу «Профессура УГТУ–УПИ», которая была выпущена в 2011 году и являлась последней книгой, вышедшей с грифом УГТУ–УПИ. Я сказал, что в ней он найдет фотографии и биографии своих учителей. По всему было видно, что он очень тронут этим подарком.

Затем состоялось выступление самого Николая Ивановича, которое вкратце можно развернуть в несколько тезисов, которые попытаюсь кратко сформулировать ниже.

Он сказал, что был очень тронут тем, что ему дали слово в Совете Федерации по поводу его 90-летия. Он в своем выступлении там не говорил об экономике, и что поэтому сейчас готов на этой проблеме остановиться. Николай Иванович отметил, что сильно волновался, когда шел на трибуну. Далее он сказал, что никогда не был ученым⁶, а был производственным, поэтому он не занимался теорией, а исключительно практикой.

Говоря о реформах, он подчеркнул, что именно гуманитарии приложили руку к развалу страны, а пострадал

² История науки: источники, памятники, наследие. К 150-летию со дня рождения президента АН СССР академика Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945): Международная научная конференция. Институт истории естествознания и техники, Архив РАН. Москва. 15–17 октября.

³ УГТУ–УПИ: профессура. 1920–2008 / под ред. чл.-корр. С.С. Набойченко. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ». (2008) 2011. 637 с.

⁴ Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная периоду 1980-х годов (В связи с 90-летием Николая Ивановича Рыжкова). Пленарный доклад. Совет Федерации и Институт Истории РАН. Москва. 15 октября 2019 года. (пленарный доклад)

⁵ Металлургический комплекс Урала в 1970–1980-е гг. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной периоду 1980-х годов (в связи с 90-летием героя труда Российской Федерации Н.И. Рыжкова). М.: Совфед, 2020. С. 51–74.

⁶ Судя по его научным публикациям это не совсем так. Видимо он хотел сказать, что не был кабинетным ученым.

от этого реальный сектор экономики. Затем он рассказал о том, как он оказался у власти.

Когда Ю.В. Андропов стал генсеком, он пригласил Николая Ивановича в секретари ЦК КПСС по экономике. Тот долго отказывался, говорил, что был простым партийцем, никогда не занимался партийной (политической) работой. На что Андропов сказал, что ему не нужны функционеры, а требуются практики. Таким образом это и произошло. В экономический блок были приглашены также Горбачев. Ю.В. Андропов напутствовал, говорил, что много пишут ученые. Но реально мы не знаем, куда идти. Задача людей, приглашенных к нему, было разработать программу экономических реформ. Сам он не занимался экономикой, но понимал и говорил, что требуются экономические реформы. К сожалению, Андропов мало проработал генсеком — всего 15 месяцев.

После смерти Ю.В. Андропова, пришел Горбачев и использовал все наработки группы. Сам доклад Горбачева о перестройке, который он зачитал на съезде партии, был написан им совместно с Рыжковым. Когда разрабатывалась концепция реформ, было решено существующее государственное устройство не трогать.

— Сейчас, с высоты прошедших лет, я вижу, — говорил Рыжков, — что Горбачевым была допущена большая ошибка. И она заключается в том, что в результате реформ, было ослаблено государство. Никогда в истории реформы не были успешны при слабом государстве.

Именно тогда, по его словам, разошлись его пути с Горбачевым. Рыжков говорил, что если он разрушает империю, то это в итоге приводит к разрушению государства. Именно эта ошибка привела к распаду СССР. Рыжков подчеркнул, что именно в 1989–1990 гг. мы вышли на правительство с предложением осуществить реформы по трем возможным вариантам: быстрому, среднему и медленному. Для решения проблемы правительству предлагали последний, как наиболее комфортный. В целом была проделана огромная работа. Изучен опыт Китая, ФРГ. Была даже написана об этом книга. Пришли к выводу, что наиболее хороша смесь политики государства и частной инициативы.

— Я и сейчас так считаю, — сказал он. — Тогда мы думали, что надо лет 6–8, для перестройки, сейчас конечно понимаю, что требовалось существенно больше лет. При обсуждении этого вопроса многие зашумели, что мы предлагаем путь обратно в прошлое. Что государство в этой схеме — «ночной сторож».

В прессе вся грязь лилась на правительство под руководством Рыжкова. Мы реально стали изгоями, — с горечью сказал он. — Именно тогда Явлинский придумал свою программу 500 дней. Она была нереальной. Прошло уже 30 лет, а проблема реформ еще не решена.

В завершении своего выступления сказал Н.И. Рыжков:

— Я много лет проработал в Государственной Думе и Совете Федерации, многое, конечно, переосмыслил, но до сих пор уверен, что и сейчас для страны необходимо преимущественно плановое развитие экономики. Уже сейчас у нас разрабатываются национальные программы, планы развития на 3 года. Но правильнее планировать на 5 и 10 лет. Мы напрасно от этого ушли и обязательно к этому вернемся.

Его выступление было эмоциональным, понятным и стройным в изложении. Видно было, что то, что он говорит он продумал и выстрадал. Пока Рыжков сидел в президиуме он держал руку на книге, все остальные подарки он отдал порученцу. После выступления, я подошел к Николаю Ивановичу, и мы сфотографировались.

Он согласился дать развернутое интервью для УрФУ. Время и место нужно было уточнить позднее. Однако наша встреча постоянно откладывалась, а затем в назначенное время она не состоялась в связи с распространением пандемии.

После пандемии, я вернулся к этой идее. После звонка к помощнику Николаю Ивановичу⁷, было достигнута договоренность о нашей встрече. Такая встреча состоялась 20 июля 2022 г. в Совете Федерации.

Небольшой кабинет члена Совфеда.

Мы поздоровались. Николай Иванович начал:

— Почитал ваши вопросы. Фамилия ваша интересная Запарий.

Я рассказал о своей фамилии⁸. Затем я сказал:

— Что касается 100-летия УрФУ, то оно прошло в условиях пандемии, была отчеканена медаль, была издана книжка к 100-летию (вручаю ему книгу).

Он ее полистал, затем произнес:

— Скажите лучше, зачем объединили УПИ и УрГУ.

— Это началось при губернаторе Росселе, когда родилась идея создания большого Евразийского университета тыс. на 200⁹.

— Что он, с ума сошел?

— Ну это было много лет назад. Потом разные другие варианты объединения всех вузов в один.

— Там среди попечительского совета есть и Пумпянский. Он ведь упишник?

— Да, УПИ — это звучало гордо. УПИ он и в Африке УПИ как у нас говорили. Везде были наши выпускники.

— Да, много было в УПИ китайцев. Потом пришли 2000 годы. Начались преобразования в высшей школе. Мы начали развиваться сокращаясь. В УПИ до объединения было более 40 тысяч студентов и более 6 тысяч сотрудников и преподавателей. 8 тысяч студентов было в УрГУ. После объединения стало 30 тысяч студентов и 10 тысяч преподавателей и сотрудников. Для меня непонятно как можно развиваться сокращаясь.

— Для меня было всегда непонятно зачем объединять такие вузы. Самодостаточные были вузы УПИ и Университет, гуманитарный вуз.

— Ну это ведь Болонский процесс. Я на всех конференциях выступал против. Ну вот, сейчас к этому пришли.

— Дождались что они сами нас оттуда попросили.

— Я глубоко убежден, что нельзя сделать инженера за 4 года и сколько я не разговаривал с генералами от промышленности, они все это говорят в один голос. Более того они говорят, что, если вы не откажетесь от таких экспериментов, то мы сами будем готовить себе инженеров, что, к примеру, делают в Верхней Пышме в университете УГМК. Они говорят, дайте мне выпускника до 1991 года, советского. Заберите всех этих с компетенциями.

— Так вы с какого года занимаетесь металлургией.

— С 1980-х годов. Вообще-то я занимаюсь историей XX века. Кандидатская диссертация у меня был по 9 пятiletке.

⁷ Помощник Кирилл Алексеевич Галаев, которому хотелось бы выразить особую благодарность в деле организации этой встречи.

⁸ Легенда о моей фамилии. У меня есть рассказ об этом, в связи с тем, что он не опубликован вкратце скажу, что фамилия происходит от того, что во время поездки в Крым Екатерина Великая решила помыться деревне, где жили мои предки. Во время этой процедуры она немного угорела, то есть ее запарили. Поэтому все жители этого населенного пункта стали называться Запариями.

⁹ Мои замечания и вопросы выделены курсивом.

Речь зашла о Николае Ивановиче Кузнецове. Я сказал о том, что ходят слухи о том, что он не погиб в 1944 г. от рук бандеровцев, а оказался в США и умер совсем недавно.

— Что вы! Я знал Валентину, условно, жену Николая Ивановича. Я хорошо знал его брата, Виктора Ивановича. Он работал у нас на Уралмаше. Когда я его знал, он был заместителем начальника автобазы, механик. И как-то раз, когда самолеты не летали, погода была плохая, мы оказались с ним в одном купе в поезде в Москву. И делать было нечего и всю ночь мы проговорили. Он мне много рассказал о нем такого, чего о Николае Ивановиче нигде не писалось. Я много от него узнал о Николае Ивановиче.

Во-первых, это раскулаченная семья. Это раз. Их не помню откуда-то, по-моему, с Южного Урала перевезли сюда. Дальше он кончил техникум. Лесной. Какое-то время работал таксатором. Маркировал деревья. И, насколько я понимаю, тогда его завербовали в школу НКВД. И он учился два или три года. А учитывая то, что на Уралмаше в то время было много немцев, потому что многие процессы уралмашевские, станки, механизмы были немецкие. Я еще захватил эти станки. Они до сих пор стоят. Хорошие большие станки. Немцы до Гитлера очень много нам поставляли. Вы знаете, что в это время в мировой экономике кризис был. Мы во время кризиса пытались построить и автомобильные заводы, и тракторные, и Уралмаш.

И он мне (брат Кузнецова Н.И.) рассказывал, что было очень много немцев и его, т.е. Николая Ивановича Кузнецова, после школы, как я понимаю, направили к нам конструктором. И одновременно он учился в УИИ. На вечернем отделении. Я захватил людей, которые работали вместе с ним. Молодой я был, еще совсем пацан в то время. Они пожилые люди были. Ну у нас на заводу управлении был доска, что здесь работал Кузнецов Николай Иванович. Там хорошо к нему относились.

И они мне рассказывали, что он практически с нами дела не имел. Он все время с немцами проводил, и водку с ними пил, и гулял. И организовывал всякие там походы. Одевался как немец: чулки там шляпа и так далее. И один из них рассказывал (он тогда уже пожилой был), что они тогда были молодыми людьми, комсомольцами, и пошли в райком комсомола. Там они сказали, что у них есть один парень, и он — шпион. Он с немцами обнимается, целуется, водку пьет и спит с ними, и гуляет с ними, и все. Надо его из комсомола исключить.

В райкоме сказали: «Ребята не трогайте его! Это не ваше дело, пусть он занимается тем, чем занимается». Он прекрасно знал язык и знал его диалекты. Он одевался как немец, он мыслит, как немец. То есть он несколько лет вживался в роль разведчика-немца. Параллельно он учился, работал конструктором. Ну конструктором, я потом узнавал, что он там делал. Конечно, он не был ведущим конструктором, нет, он был так, на вторых ролях. Тебе дали чертеж — нарисуй чертеж. Но конструктор. Есть даже мемориальная комната, где он работал. Параллельно учился. Защищал диплом, знаете на немецком языке. Это мне рассказали потом, и брат его это рассказывал, что Николай Иванович докладывал дипломный проект на немецком языке в нашем политехническом институте.

А потом пришел Гитлер к власти, часть немцев, работавших на Уралмаше, добровольно уехала, часть людей перешли в НКВД и стали разведчиками. Их во время войны потом использовали. Как правило все эти немцы потом погибли, как мне рассказывали. Их забрасывали туда, не знаю там какие причины... Их несколько десятков осталось, которые не вернулись в Германию. Из них потом

готовили диверсантов, забрасывали в Германию, но почти никто из них не вернулся. Может быть какие-то причины были, не знаю...

Итак, он работал в Москве. Это мне брат его рассказывал, работал в Москве, по-моему, в министерстве авиационной промышленности. Он по посольствам ходил, связи устанавливал. Брат говорит, что с ним они [семья] поддерживали контакт. Когда началась война, а Виктор в это время был в армии, то их воинскую часть перебрасывали с западного фронта через Москву куда-то там еще. И он говорит, я отпросился у командира с эшелона, и он разрешил там до вечера встретиться с Николаем Ивановичем.

— Я, — говорил он, — нашел по адресу дом, где жил брат. На двери надпись «Доктор Вайнер». Я звоню... Никто не отвечает. Я к соседям. Выходит соседка. Я спрашиваю: «Кто здесь жил?» Она говорит, что там жил какой-то немец, Вайнер. «А где он сейчас?». «Я не знаю, но немец...» Он, тем не менее, его нашел. Позвонил в НКВД, они встретились и провели несколько часов вместе в Москве.

Виктор Иванович рассказал, что когда они прощались, то тот сказал:

— Вот, что, Виктор, то, что я останусь жив, это под большим вопросом. Я считаю, что эту войну я не выдержу. Поэтому, когда война закончится, и ты жив останешься, и будешь спрашивать меня.

Я ведь толком и не знал кто он такой, я не знал, что он разведчик. Вайнер и Вайнер. Вы знаете, как настоящее имя Кузнецова он ведь не Николай, а Никанор. Он поменял, когда в техникум поступил. Ему страшно не нравилось имя Никанор и он поменял на Николай и везде проходил как Николай.

Он говорит, что уже приходил на адрес.

— Я пришел, а там какой-то Вайнер.

— А, да это после меня там такой жил. Так вот когда кончится война и ты останешься жив, приходи вот в этот дом, — показывает на Лубянку. — Придешь в этот дом и назовешь мое имя, и тебе расскажут обо мне.

Так и произошло. Когда он пришел после войны, то ему сказали, что нет такого Кузнецова, мы не знаем. В общем от ворот поворот этому брату. Это несколько лет прошло.

Оказалось, — это он мне рассказывал, Виктор Иванович, — что Кузнецова разоблачили уже во Львове. В Ровно была база. Он приходил, ему говорят: «Убей вот этого!» Он стрелял и уходил. Старший лейтенант Пауль Зиберт.

По заданию он был во Львове. Тоже там кого-то он прикончил, но его там засекли. И он уходил оттуда с водителем в сторону Ровно. Они проскочили сколько-то. Приехали в одно село. В этом селе у него был связник. Однако раньше он там не был, а связник говорил, что его хата на краю села. И он приехал, только с другого края. И когда он туда приехал, его засекли бандеровцы.

Он отстреливался со своим шофером. Они погибли в этой хате. Он взорвал себя гранатой. Потому что, когда его хоронили, он был без руки. Граната взорвалась у него в руке, и он сам погиб. И бандеровцы считали, что это немецкий офицер и немецкий солдат или сержант. Они тогда убивали и наших и немцев. Короче говоря, они их похоронили на окраине села. Выкопали могилы и бросили того и другого туда и закопали.

Однако через некоторое время пришла воинская часть немецкая. Там стало известно, что бандеровцы убили немецкого офицера и солдата. И похоронили там. Те разрыли могилы. Он действительно в немецкой форме лежал, но без руки. Немцы снова их захоронили со всеми воинскими почестями. Нашли этих бандеровцев и расстреля-

ли. Расстреляли за то, что они убили немецкого офицера. И все на этом закончилось.

А дальше несколько лет наши не признавали его смерти. На Лубянке считали, что он где-то погиб чуть ли не предателем. Однако много здесь сделали его соратники. Особенно Валентина, так сказать, его жена. Я ее очень хорошо помню, она несколько раз была у нас на Уралмаше.

Ведь они бились с врагом, а база его отряда была под Ровно. Был один человек, который в советское время занимал достаточно большой пост в КГБ в Ровенской области. И он сильно помогал, учитывая, что отряд один и тот же. Просто они остались живы. Большую роль здесь сыграла Валентина. Все, кстати, они побывали на Уралмаше. Начали изучать судьбу Николая Ивановича. Начали изучать со Львова, изучали шаг за шагом. И наконец, дошли до того момента, когда немцы с почестями похоронили его как немецкого офицера. Раскопали могилу снова. Уже на 90 процентов была уверенность, что это Кузнецов. По каким-то признакам, или по зубам, или, как-то еще, не знаю. Но что интересно: КГБ приняло решение отдать голову М.М. Герасимову. И он делал заключение, восстановил его детали. И тогда было принято решение, что это он. Присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Со всеми почестями. Тогда его рассекретили. Вот такая картина...

Это мне рассказывал в основном брат его Виктор Иванович. Уралмаш очень чтит его очень¹⁰.

Что вас интересует?

— *Ваше мнение, что заставит вспомнить об УПИ. У нас было два известных выпускника. Вы и Ельцин. Правда ли, что вы подарили в 1990 к 70-летию 70 автомобилей?*

— Черт его знает, не помню...

— *Ну вот А.И. Матерн говорит, что долго на пятерке ездил, много лет. Хорошая была машина, и вспоминает вас добрым словом.*

— Посмотрим ваши вопросы: Детство юность учеба в школе.

— *Что-то, хотя бы немного в смысле того, как это повлияло на вашу дальнейшую судьбу.*

— Если говорить о детстве, то самое запоминающееся. Вот я сейчас вспоминал перед вашим приходом 1941 год. Мне было 11 лет, когда война началась. Было воскресенье, был у нас зимний сад. Ну, сад условно — ведь это был шахтерский городок.

Там был кинотеатр, библиотека. Чисто шахтерская культура. И мы пошли утром фильм посмотреть. Несколько пацанов пять-шесть. А наша улица отсекалась от поселка железной дорогой, та которая из Москвы идет на Симферополь и на Харьков. Посмотрели мы этот фильм, идем делимся впечатлениями, как Анка стреляла, как Петька стрелял. Из пулемета. Что там Чапаев.

Идем может быть в 11 часов. Там не было никакого моста. Станция небольшая. Уголь вывозили. Смотрим люди ходят с противогазами через плечо. Думаем учеба. Сколько было этих учеб с противогазами, когда требовали: одевай противогаз. Ну, думаем, учеба опять. Не дай Бог! Мы думаем: туда шли не было противогазов, а идем обратно — все с сумками. Кто-то сказал, что это учеба. А пришли домой и через час стало известно, что это война так в 11 лет для меня началась война.

Что мне бросилось в глаза. Наше поколение. Мы сначала не понимали, что такое война. Воспринимали как кино.

Из пулемета строчит Чапаев и так далее. Правда потом очень быстро дурь прошла. Я думаю, что через месяц или два голова была уже совершенно другая.

Значит вот в 1946 году, ровно через год после окончания войны. Я вообще-то хотел стать летчиком. Такой патристический накал был среди молодежи, подростков. Мне было 15 лет. Кто-то хотел стать танкистом, кто-то летчиком, кто-то моряком, хотя вы сами понимаете, что средств массовой информации в то время не было. Телевидения не было, радио толком не было, газет даже у нас не было в то время. Такие по сути дела, плакат или кино.

Накал был достаточно серьезный, если я бредил летчиками. Я хорошо знал о Покрышкине. Другие знали о танкистах и артиллеристах, то есть, казалось, что война выбила дурь. Голод, холод... Всегда хотелось есть, и тем не менее хотели стать летчиками, танкистами и т. д., но никакой информации не было. Я узнал, что в Таганроге есть авиационный техникум. Ни денег, ничего нет. Подписался на поезд, доехал до него. Там километров 125–200. Сдал документы. Сказали приходи учиться. Ну, а жить где? А это надо договариваться. Так надо деньги платить, а у меня денег нет.

В общем я два дня проболтался на вокзале. Два дня голодный и холодный. Копейки нет. Пришел к тетушке, которой я сдал документы. Пришел и говорю:

— Отдайте мои документы.

— Почему ты мальчик забираешь документы?

— Понимаете, я хочу учиться, но у меня нет денег. Жить мне негде, питаться мне не чем.

— Да жалко, жалко...

Отдала мне документы. Я приехал обратно. Кстати, потом я случайно узнал, что в Краматорском техникуме летчиков не готовили. А готовили техников для заводов. Это тогда передавали друг другу. Тогда я закончил 8 классов (и в техникум принимали без экзаменов), а мои друзья закончили 7 классов и сдавали экзамен.

Я услышал, что в Краматорске есть машиностроительный техникум. Я родился недалеко от Горловки, 5 километров от нее. Рядом Дзержинск, тогда его еще не было, а было 7 шахт, где мой дед работал. И отец работал и брат покойный младший. Они жили на этой шахте в поселке.

Тогда на Донбассе не было русского ничего¹¹. Наша шахта, она называлась Северная, потом назвали имени Ворошилова, потом опять Северная. Кстати, несколько месяцев назад ее закрыли. Знаете, на какой глубине? 1200 метров!

Брат мой родной, на 7 лет моложе. Он как после армии пришел, тогда 3 года служили, так и залез на шахту. Начиная с 960 метров отец. Я хорошо помню, у нас вся семья была шахтерская.

У нас семья не отличалась пьянством, не то чтобы вообще не пили, но очень умеренно. Собирались по праздникам. Шахтеры, они народ скромный, но в то же время чтители свое звание. Потом, уже позже, когда я ездил на юг, всегда заезжал домой проводить всех.

Однажды я к ним заехал, бросил чемодан. Брат приходит с работы (он был меня выше, такой могучий, ну всю жизнь тяжелой физической работой был занят), а на чемодане лежит «Огонек» журнал (я его где-то по дороге купил, в аэропорту) и на обложке Никита Хрущев в каске шахтерской. Никита в каске. Он так подошел и говорит:

— А эта свинья на каком основании нашу каску одела!

Я говорю:

— Женя, язык прикорооти (а Хрущев был еще при власти).

¹⁰ Текст той части интервью, где Николай Иванович рассказывает о Н.И. Кузнецове, с небольшими редакционными правками был опубликован на конференции, посвященную этому разведчику.

¹¹ Это он коснулся истории своего региона.

— Слушай, брат, — такой голос у него, — что меня пугать. Я работаю на глубине 960 метров. Куда меня дальше пошлют? Да, пошли вы все... — и сказал, как припечатал.

В общем, как увидел каску на голове у Никиты, взбеленный: «Свинья надела нашу каску!»

Наша шахта была бельгийская. Я хорошо помню, на кирпичной трубе было написано 1901. А до этого были мелкие шахтенки, лошадьми пользовались для вывоза угля. Знаете, в Донбассе были бельгийские, французские, немецкие вперемешку.

Значит, тогда я 4 года жил в Краматорске. Жду, как сейчас отвоюют Славянск. Это рядом, 5 километров, я там учился. От дома километров 70. Четыре года я там учился. Специальность у меня была знаете какая: ПТМ (подъемно-транспортные машины). У нас было две группы: холодная обработка металлов, кузнечная и была литейная. Но я был на ПТМ, хорошая специальность. Она больше с уклоном конструкторским. Я быстро втянулся в учебу, хоть и случайно попал. Я думаю, хочется дальше учиться. А института не было в Краматорске.

— Там в Днепрпетровске был.

— Да, но это далеко. И так я был нищим. Я два года учился, когда техникум был сожжен. Жили мы в каких-то зданиях, там до войны был, кажется, горсовет. Я же не местный. Не знаю. Рядом кинотеатр, и мы все бегали туда. Денег не было, но договаривались. Тетушки пускали нас, пацанов. Я ведь тогда хорошо помню, что перед кинофильмом пускали киножурналы. Вы ведь, наверное, захватили еще это.

— Да было это...

— Я хорошо помню, как в одном из таких киножурналов показывают Уральский политехнический институт. Я первый раз увидел его в киножурнале. С колоннами. Там, где сейчас доска моя висит. (улыбается). Смысл сообщения был такой, а только год прошел после войны. Демобилизация шла полным ходом, что возвращаются преподаватели и студенты, которые остались живы после войны. — и показывал Николая Николаевича, — он потом был проректором... Герой Советского Союза. Сыромятников.

(Смотрим книгу историю УрФУ, находим портрет Сыромятникова).

— Это он, — показывает его Николай Иванович.

— Я его застал. Прекрасный ученый, доктор технических наук. Красивый такой мужчина.

— Он жив остался, был студентом, доучился и остался в УПИ... Вот его показывали. Как он возвращался в УПИ... И, когда я закончил техникум, комиссия, которая распределяла, сидела в читальном зале. Небольшая была комната. Приглашали по очереди. Кто-то зачитывал: учился так-то, оценки такие, получил специальность техника-механика подъемно-транспортных машин.

Я не помню, кажется, заместитель директора говорит, что вот выбирай города какие, назвали. Это Барнаул, Алма-Ата, Свердловск, Курган. Только не в Краматорске. В Кургане в это время завод строился подъемно-транспортных машин. Потом его перепрофилировали на производство БМП.

Я говорю:

— Мне ваш Краматорск и так надоел.

Вот так. А все, половина были местные. Они обрадовались, что не просится.

— Я хочу учиться дальше. Я видел, что в Свердловске есть институт. Большой политехнический институт, я хочу туда.

— Ну, ты знаешь, что нужно три года отработать?

— Да, конечно.

— А ты знаешь, что там есть такой завод Уралмаш?

— Да слышал. Ну вот туда и записали.

Вышел я думаю: «Свердловск, так Свердловск. Какая мне разница?»

Самое главное мне хотелось учиться. Я кроме Донбасса нигде не был, ну, а потом появилась эта песня «...и за запахом тайги». Эта романтика сильно влияла. Хотелось посмотреть мир, как люди живут. Я ничего не видел, кроме Донбасса. Так я попал на Уралмаш.

— Уральцы сильно отличались от донбассцев?

— Ну, я могу сказать все-таки, я лучшую часть жизни прожил на Урале, 25 лет. День в день четверть века. Поэтому я много людей увидел. Всех со всех сторон вы знаете, что народ там отличается вот. Я сейчас 25 лет живу в Белгородской области. Сенатор от Белгородской области. Это юг нашей страны. Я не считаю Донбасс, потому что был пацан. Ничего не понимал. Знаете, нас было много. Уралмаш был крупнейший. Народа было много. И выпускников было много, которые кончали институты и в Ленинграде, и другие где-то в центре. Со всех сторон. Я с Донбасса, а мой сменщик был из Ленинграда. Тоже Николай Иванович.

Я могу сделать вывод, конечно, уральский народ очень сильно отличается от других. Ну более жесткий, более твердый. По сравнению с Курской областью, Ивановской областью...

И когда приезжали к нам ребята, кончали институты или техникумы, и мы узнавали, что они с Вологодской или Кемеровской области, то мы понимали, что они не такие крепкие духом что ли. Поэтому донбассовцы они очень сильно вписывались в такую производственную жесткую систему.

Ну вот, например, я. Я поступил на Уралмаш в 1950 году, через 5 лет после окончания войны. Как в войну делали самоходки, так и продолжали делать, такая же дисциплина была, такая жесткость, как в армии! Работал девиз: «Не можешь — научим. Не хочешь — заставим». Там такие волкодавы были, такие волкодавы, кошмар! И вот именно донецкие индустриальные ребята с заводов, шахт, они, конечно, резко отличались. И ребята донецкие быстрее приживались. Поэтому, конечно, Уралмаш — это школа!

— Но Вас-то все считают уральцем, считают, что вы не только учились в УПИ, но и родились на Урале, пришли с Урала...

— Конечно, я и сам себя считаю уральцем.

Что могу сказать, вот приехал я туда. Я, кроме Краматорска, и не бывал нигде. Посмотрел на карте, в читальном зале посмотрел, где Свердловск. Увидел. Бог ты мой! Это же в центре России! Это от Краматорска до Москвы 1000 км и от Москвы еще 2000 км! Ну ничего себе! Вот так я оказался на Уралмаше. Я вообще не жалею, что попал на Уралмаш. Считаю, что мне повезло в жизни, конечно, Уралмаш — это завод костолом.

Немного отвлекусь и расскажу, как произошел мой карьерный рост на Уралмаше.

У нас на заводе был директор, он меня начальником цеха ставил. Мне было 25 лет. Для нас директор был Богом, мы его видели издали и не больше. Как-то зазвонил телефон, и прибегают секретарь цеха и говорит:

— Николай Иванович, иди к директору завода, он тебя вызывает!

— К какому директору??

— Да, к САМОМУ!

— Ничего себе!?! Когда??

— Сейчас прямо иди!

Как был я в спецовке замасленной, так и побежал. А там почти километр от моего цеха, первый раз попал в прием-

ную. Для нас директор был Бог! Звали его Глебовский Георгий Николаевич.

Секретарь директора говорит:

— Рыжков Николай Иванович?

— Да, это я.

— Подождите, сейчас Вас примут.

Сел я на диванчик, посидел несколько минут и вот приглашают. Я видел его только на собраниях, я лично не знаком. Он пригласил меня сесть, там маленький столик был. Я сел. Он и говорит:

— Как тебе там работается?

— Нормально работается!

— Сколько лет уже?

— Ну, 4 года работаю.

— Ты знаешь, что твоего начальника цеха забирают в райком?

— Да, конечно, знаю, в цехе говорят!

— А знаешь кто будет начальником цеха?

— Я? Откуда? Не знаю!

— Ну кто-то, что-нибудь говорит?

— Нет, ничего по этому вопросу не говорят. Пришлете кого-нибудь! (Думаю, что он говорит, что ему нужно?)

В общем поговорили.

— Ты на каком курсе [института] учишься?

— На втором.

— Да, ну вот мы тут советовались и решили, чтобы ты стал начальником цеха.

Я ему говорю:

— Георгий Николаевич, извините, мы народ мастеровой, мы умеем и нормально говорить можем и ругаться тоже. Знаете, что, у нас, мастеровых, (я старший мастер был, у меня три мастера было), у нас говорят о директоре, что вы думающий человек, но как же вы принимаете такое решение — сделать меня начальником цеха? Я ведь заместителем не работал, я начальник участка (пролета). У меня три смены, 75 человек. Цех — 700 человек! Я замначальника цеха не работал. Второе, я всего кончил 2 курса института, из-за этого мне придется бросить институт? Я из-за того, что хотел поступить в институт на завод попал! А вы мне сейчас говорите: «Брось институт?»

— Нет, почему брось, учись!

— Ну, учиться-то мне! Я же не смогу! Я сейчас еле-еле тяну, я начальник цеха на Уралмаше! (короче, наговорил я ему неприятностей).

— Георгий Николаевич, вы меня простите, прошу не делайте меня начальником! Вот закончу я институт и делайте меня хоть кем, хоть каким начальником! Я ведь пришел на Уралмаш, чтобы учиться!!!

— Ладно (он курит Казбек), ну, вот я сегодня уезжаю в Москву на 2-3 дня и когда я вернусь, у меня будет новый начальник цеха!

— Конечно будет — только не я!!!

Вышел я от него, думаю «Что они там, с ума все посходили?»

На второй день меня вызывают на партком, опять я пришел в своей спецовочке. И секретарь парткома говорит, что, мол так и так, директор завода внес предложение, назначить начальником цеха № 31 (на заводе было 60 цехов, тот, в котором я работал, 31) назначить такого-то, такого-то. Есть предложение поддержать директора. Вопросы есть?

— Есть! Я прошу не назначать меня начальником цеха (говорю им в сердцах)!

— Почему?

— Я не работал замначальника цеха, ни одного дня не работал! Максимум — я начальник участка, у меня три

смены, все. Я же учусь. Я же из-за этого брошу институт! Я сегодня еле тяну его. Не назначайте меня ради Бога!

Однако на меня начали давить. Но... двое человек выступило в мою защиту.

— Я его знаю, он собирает шагающие экскаваторы.

— Давайте дадим кончить ему институт!

— Правильно, — говорю я, — вот кончу институт и ставьте меня куда хотите!

Однако, несмотря ни на что, прошло голосование и подавляющим числом голосов меня рекомендовали начальником цеха № 31. И вылетел я оттуда. Времена были очень суровые...

Вспоминаю я бывшего директора своего. Сам он был внешне не очень примечательный: небольшой, неказистый какой-то, в круглых очках, лицо побито оспой. На вид обычный, встретишь на улице и пройдешь мимо. Но на заводе его очень любили...

На оперативку нужно было ходить, раз в 10 дней. Вот пришел я на первую оперативку, куда денешься? Закончилась оперативка и я слышу:

— Рыжков. Останься!

Я остался, конечно.

— Как осваиваешься?

— Плохо!

— Ладно, не ной! Как ты материально живешь?

— Нормально живу, мне на все хватает!

— А у тебя костюмы есть еще, кроме этого?

— Нет, только этот.

— Ладно, ты как премию получишь, купи новый костюм, а то у тебя этот уже совсем износился, вижу, заштопанный уже..., — увидел.

Хороший директор был. В общем, выступил он против совнархозов. Его пригласили в Москву. Устроили ему разгон в ЦК партии. Он был кандидат в члены ЦК. Был такой Кириченко, секретарь ЦК, такой мордорот, ломал всех. Короче говоря, я насколько понял, он, Георгий Николаевич, выступил в газете «Правда» или «Известия» со статьей, в которой разгромил предложение Никиты [Хрущева]. Писал, что мы многое в результате этой реформы потеряем. И действительно, территориальное управление, министерство обороны, ведь оно не обеспечивает единую техническую политику.

Они его пригласили, «мордобой» ему устроили. У ЦК партии его ждал наш представитель от завода, был он прикреплен к Москве. Ждал он его около здания ЦК. Прошли они после этой встречи до гостиницы «Москва», договорились встретиться назавтра. Тот пошел домой, а директор пошел к себе в номер. Утром, женщина дежурная не могла достучаться. Вскрыли номер. Там в номере шторы такие были на веревочках, в общем, он выпил бутылку коньяку, снял веревку и повесился. Это, конечно, стало известно, что директор Уралмаша жизнь покончил самоубийством.

На заводе это вызвало большой шум. Как так? Почему директор повесился? Почему его загнали в петлю? Кто виноват? Пошла нехорошая волна. Цехи стали бунтовать, ну не то что..., а стали собираться, обсуждать, говорить... Нехорошая обстановка складывалась.

По-видимому, начальство областное и партийное доложили наверх о том, что народ не понимает, почему директор залез в петлю, кто виноват в этом деле? В общем накаленная обстановка была.

Для решения вопроса приехал Суслов Михаил Андреевич. Он выступал перед нами. Мы, молодые начальники цехов, сели подальше, а корифеи, они еще в войну цехами руководили, сели впереди. Ну и цеха по размеру разные, на-

пример, литейный цех — 1400 человек, кузнечный — 1200! У меня-то 700, я на сборке работал. Там такие волкодавы... в войну еще работали.

Впереди сидят, мы подальше. Первый секретарь был такой, Николаев, говорит, что вот мол, у людей возникло много вопросов, по поводу смерти нашего директора. Поэтому приехал Михаил Андреевич, он ответит на вопросы.

Вышел на трибуну Суслов. Начал говорить, минут 5 говорил. И вот, поднимается один из начальников цеха и говорит:

— Товарищ Суслов, Вы нам тут сказки не рассказывайте, вы объясните-ка нам, как так случилось, что директора завода довели до самоубийства? Почему погиб он, что вы нам сказки рассказываете?

Тот что-то начал отвечать. Поднимается второй начальник цеха, спрашивает прямо в глаза:

— Нет, ерунду вы нам тут не говорите, мы не удовлетворены вашими ответами, расскажите, честно скажите, кто заставил директора завода в петлю залезть?

В общем Суслову такую баню устроили... Что еле-еле сполз с кафедры. Кончилось тем, что решили, не хоронить его на Урале, а хоронить в Москве. Выбрали делегацию, корифеев, человек 10-15 пофамильно кто поедет на похороны. Похоронили его на немецком кладбище.

Прошло несколько лет. Я уже главным инженером был. И вот я, со своим заместителем оказался в командировке в Москве. В воскресенье выдался у нас свободный день. Поехали мы на кладбище с целью найти могилу. Взяли бутылку водки и закуски. Приехали, пришли к дежурному, спрашиваем:

— Здравствуйте, мы приехали найти могилу нашего директора завода.

— Как фамилия?

— Глебовский Георгий Николаевич.

— Что-то вроде знакомое... А! Это уралец, который задушился!?

— Да!

— А, аллея такая-то...

Ну все, мы пошли. Нашли это место, памятник стоит, скамеечка, сели, выпили на могиле Георгия Николаевича.

— Вот ты нас оставил, а мы к тебе пришли, помянуть тебя.

Но самое интересное, почему я это сейчас вспомнил, это как Суслову деру давали! (смеется)

Ну что еще про Уралмаш? Вот вы вот люди науки, как сейчас? Я считаю, что так и раньше было, я считаю, что техникум, я ведь раньше техникум заканчивал, он мне очень много дал. Жалко, что их сейчас ликвидировали... Я ведь в институте, когда изучал, сопромат, например, больше мне дали в техникуме. Но! Одно но! Нас прекрасно готовили как специалистов, нас металлургии учили, нас технологии учили, по-настоящему, дипломный проект был у меня «Крановая тележка металлургического крана грузоподъемностью 400 тонн». Я его чертил. У нас подготовка [в институте] была очень сильная, кроме одного, мы абсолютно не были подготовлены к работе в цехах. Нас не учили, как обращаться с рабочими, как руководить сменой. Вот смена — 25 человек, абсолютно не понятно, что делать с ними, даже ни одной дисциплины такой не было. Кто уж смог привыкнуть, то — да. Вот, например, Николай Иванович Подгорный, ленинградец, хороший парень был, прислали к нам сменным мастером, я уже начальником участка был. Грамотный, хорошая техническая подготовка, но не мог он с рабочими ладить. Они его если что — пошлют подальше, а он не может послать. Если они ко мне приходили, я их посылал, да и все. А он не мог. В общем год или полтора он поработал и просит:

— Николай Иванович, отпусти ты меня ради Бога. Не могу, отпусти меня в конструкторский отдел.

Я ему уж говорю:

— Как я могу тебя отпустить, ты же специалист (а он институт кончал, Ленинградский политехнический).

Несколько месяцев прошло, смотрю, парень пропадает. Талантливый, все при нем, а с народом не может работать. Я ему говорю:

— Ну не будь же ты таким, ну поматерись там немного...

В итоге пошел к начальнику цеха и говорю:

— Отпустите его, не для него эта работа, с него не будет ничего. Конструктор будет из него прекрасный или технолог. А здесь нет от него толку... Ну убьем этого парня, пропадет ведь.

Так несколько раз я ходил к нему, в конце концов подписал. А когда я стал директором завода, этот парень, Подгорный, у меня главным конструктором был. Прекрасный был конструктор!

Может сейчас есть такие курсы в университете.

Что касается семьи. У меня супруга с Верх-Нейвинска, а вообще она из Ленинграда. Там, по-моему, их закрыли [во время блокады] 8 сентября и ее вывезли за два дня до закрытия. Ехала она целый месяц со своей мамой (с моей тещей), ей было 8-9 лет, в Новосибирск. Тестя, которого я не знал, работал на авиационном заводе, вот его и перевели в Новосибирск, истребители делать. Она там до конца войны жила, 8 или 9 классов кончила. К этому времени начала развиваться атомная промышленность в городе Снежинске, например, а они в Новосибирске... И, учитывая, что в Ленинград они вернуться не могли, так как их дом разбомбили. Переезжать туда с тремя детьми, кто их ждет? Работал он на заводе Чкалова.

В это время развивалась атомная промышленность. Вот вы как ученые должны понимать. Ведь у нас были хорошие теоретические разработки: Иоффе, Курчатов, Сахаров, и другие, но теоретические, и, когда дело дошло до того, что нужно получить плутоний, уран, практически это сделать мы не могли. Вот Берия, много о нем сейчас пишут. А, однако, Арзамас-16 (г. Саров), заходишь к ним в музей и там на стене: Сталин, Берия, Харитон. Директор музея считает, что он вождь, благодаря ему у нас есть атомная бомба.

Значит, теория у нас была, а бомбы нет, не было. Чтобы получить уран, плутоний нужны заводы, их нужно спроектировать, строить, делать. И тогда, учитывая, что Берия был близко около Сталина, и тогда он практически ограбил все заводы. Я когда пришел на завод, то уже 2 года как не было директора Музрукова¹².

Он был как Бог. Нас оголили, директора забрали, главного инженера, главного механика, технологов забрали, конструкторов ведущих, забрали... И это не только Уралмаш, со всей страны, со всех заводов забрали... Директора забрали нашего на Маяк. Он там был директором завода, они спроектировали завод и получали там плутоний. Оголили очень сильно все заводы. Но благодаря тому, что пришли люди, которые понимали, как это сделать, все и получилось.

Вот и семье моей жены пообещали квартиру, а это важно. Он, отец поднялся, и они поехали. Квартиру они получили уже через полгода.

Сейчас сильно отношение к Берии меняется. Города: Верх-Нейвинск, Снежинск построили. Она закончила школу и поступила в УПИ, на механический факультет. Так вот, ра-

¹² Музруков Борис Глебович в 1929–1939 гг. на Кировском заводе: инженер, начальник цеха, главный металлург; в 1939–1947 гг. — директор Уралмашзавода; в 1947–1953 гг. — руководитель ПО «Маяк»; в 1953–1955 гг. — начальник Четвертого управления Минсредмаша; в 1955–1974 гг. — директор МКБ-11 (ВНИИЭФ) в г. Арзамасе-16.

ботал я еще начальником участка и приводят ко мне 25 человек практикантов, 22 парня и 3 девочки. Говорит начальник смены:

— Принимай!

— Зачем они мне! — говорю.

Я бегу к начальнику, говорю ему:

— Зачем они мне! (смерти мы очень боялись на производстве). Куда я их дену?! У меня самый тяжелый участок, у меня детали по 120 тонн!

Но начальник настоял, и мне пришлось их взять. Что с ними делать? Я решил, что пока я их не одену в спецовки, не пущу их на участок. Пошел я к начальнику складом. Рядом с моей конторкой была кладовая. Еврей такой был дядя Миша, фамилия его Лапидус была.

— Дядя Миша, дай мне спецовок 25 штук.

— Где я возьму столько?!?

— А что у тебя там в пакетах? Оранжевое?

— Спецодежда!

— А почему никто не носит?!?

— Дык, все отказываются такую спецовку получать!

— 25 штук есть?

— Найдем...

Он обрадовался, что может сбавить эту одежду. Так я вышел от него с оранжевыми спецовками. А в цеху 25 практикантов ждет. Получили спецовки и как высыпали они в цех, прямо как инкубаторские цыплята!

Этих ребят нужно было загрузить работой, а что им дать? Отправил их на сборку шагающего экскаватора, мы же его собирали из блоков, поэтому на сборке нужно было закрутить гайки на тысячи отверстий, а клепали потом. Мастера не знали, что с этим делать. Я им посоветовал, чтобы одна часть практикантов закручивала гайки, а вторая часть потом раскручивала. Так пришлось занять практикантов. Мастер мне говорит:

— Николай Иванович, какой дурак их заставил это делать?

— Это я дурак, я их заставил это делать!

Потом я жену спрашивал, как ты себя чувствовала на практике? Она говорила, что чуть в обморок не упала, когда зашла в цех. Вокруг все гремит, искры летят, все свистит...

Ничего. Так 67 лет живем все вместе.

— А Вы учились в здании на Уралмаше?

— Знаете, на заводе было много людей, которые хотели учиться. И заместитель директора (он и при мне был заместителем) собирал молодых специалистов и спрашивал, кто, где хочет работать? Многие хотели в конструкторский отдел, отдел главного технолога, девочки, да и юноши тоже. Там ведь проще, 17 часов, звонок — и ты свободен! При таких условиях проще было учиться. А в цехе не так. Как-то он дошел до меня, спросил, где я учился:

— Я закончил Краматорский машиностроительный техникум, специальность «Подъемно-транспортные машины».

— Где практику проходили? Кем?

— Крановщиком на Краматорском заводе. Слесарем, монтажником, краны собирали.

— Ну что, у нас есть конструкторское бюро краностроения (потом это бюро вместе с конструкторским отделом передали в Красноярск, там стали делать тяжелейшие краны). Давайте идите туда!

— Я не хочу, я хочу в цех!

— Это хорошо, что хотите в цех, тогда идите в 31-й! Там как раз собирают тяжелые мостовые краны, шагающие экскаваторы (цех гигант был). Мастером пойдете?

— Пойду!

Вот так я оказался в цехе. Пришел и ушел через 25 лет. У меня хороший цех был, сколько я артистов видел! У нас такие детали были, целые ансамбли приезжали, не только от-

дельные артисты, на самих деталях выступали, считали за счастье. Танцевали прямо на них. Такие огромные были детали.

Вот такие семейные дела. Дочь у нас, двое внуков и уже двое правнуков. Дочь, закончила юридический институт в Свердловске. Вместе со своим мужем училась, и живут уже 47 лет.

— Николай Иванович! А по поводу книг? Книга о ленд-лизе? Можно написать рецензию?

— Напишите.

Эта тема не раскрыта, так как было не выгодно писать по этой теме ни нам, ни американцам. Поэтому она не поощрялась. Была холодная война. В сентябре закончили с Японией, а в феврале, Черчилль в Фултоне уже объявил холодную войну. И поэтому говорить, что они нам помогали и им, и нам было не выгодно. Тема не была запрещена, но не поддерживалась. Вот когда я работал в архивах, есть материал. Например, архив экономики. Эта тема была припущена, я впервые поднял ее так глубоко.

Дело в том, что, когда Николай Вознесенский после войны написал книгу «Экономика в годы Великой Отечественной войны» (прекрасная книга!). У него был племянник, очень хороший человек, умер два года назад. Он у меня работал в совете министров. [Рассказывал, что] дядя был первым заместителем у Сталина. Когда он написал книгу, отдал ее на рецензию Сталину. Тот продержал ее у себя почти год и отдал с пометами красным карандашом. Копия у меня есть, взял из архива. Там написано было, что Вознесенский, по расчетам, которые были не произведены ленд-лиз рассчитывается 6%, но Сталин написал 4% (смеется).

Когда я стал изучать все источники, у американцев показатель был от 10 до 12%. Я взял данные у И. Быстровой, по ее расчетам это было 7%. Такой показатель я и использовал в книге. Я думаю, это реальный показатель. Если бы не было ленд-лиза, то еще 1 млн бы солдат погибло. (подписывает мне книгу).

— Когда у Вас была первая государственная награда?

— На Уралмаше. Знаете ордена можно было получить и за «летие». У меня много орденов, Бог меня орденами и медалями не обидел. У меня два ордена Трудового Красного Знамени, Орден Ленина, Октябрьской революции. У меня достаточно много орденов нынешних и так далее. Я считаю, если говорить откровенно, то все они заработаны. Я один такой орден получил за «летие», когда мне было (исполнилось) 50 лет. Я работал в Испании, и в газете «Правда» маленькая была заметочка: Рыжкову такому-то такому-то, и в связи с 50-летием. Остальных не было к «летию».

Если говорить откровенно, наиболее трудовой оценкой была государственная премия. Не верьте никому, что ордена были мерилем. Ордена можно было получить по-разному, а вот Госпремию нет. Вот у меня две государственные премии, одна 1969 года, а другая — 1979. Промежуток десять лет. Одну я за сварочное дело получил, а другую за металлургию — непрерывная разливка стали. Я скажу, чтобы получить Государственную премию в то время, это ой-ой-ой!!! По-настоящему надо было работать.

Я вам расскажу один случай, когда я уже переехал сюда, в Москву, поехал отдыхать на юг вместе с супругой, там познакомился с людьми, которых раньше не знал. Например, академик был Скрябин¹³, у него, кстати, отец на Тверской

¹³ Скрябин Георгий Константинович (1917–1989) — советский микробиолог и биохимик, академик Академии наук СССР, главный учёный секретарь Президиума Академии наук СССР, академик ВАСХНИЛ. Специалист в области общей и технической микробиологии и биохимии микроорганизмов.

улице жил, где комитет по науке, там есть доска мемориальная¹⁴. Он там глистами занимался. Так вот, я надевал награды раз в год 7 ноября (имеет ввиду госпремии), потому что я их получил 7 ноября.

7 ноября в Кремле торжество, выпивка и так далее, ну я надел их и с женой проходим. Он ко мне подходит и говорит, академик, с которым я познакомился на юге... Подходит и говорит:

— Николай Иванович, это вы? А что это у вас?

— Да это, — говорю, — государственная премия.

— Две?

— Да две.

— А что же вы молчали?

— Почему же я должен кричать?

И он был удивлен и говорил, что не может этого быть.

— Вы сидели и молчали, что вы дважды лауреат государственной премии. — Вот их надо было заработать.

— Скажите хотя бы несколько слов о современной ситуации. Освобождаются места, где вы родились.

— Рядом. Горловка, где мой отец родился, а я родился в месте 7 км оттуда. Если честно, то, что мы начали делать 24 числа, надо было делать 5 лет назад. Вот когда приняли решение по Крыму, надо было принимать и по Донбассу. И нечего было ждать, а мы сидели 8 лет ждали. Мы, что не видели, что они брешут. Они 8 лет укреплялись. Они перевооружились, они 8 лет стреляли по Донбассу. Мне кажется это такая ошибка! Кто виновен, кто докладывал первым лицам? Но то, что надо было делать это раньше, я убежден. За это время они перевооружили армию, голову забили молодежи, мозги им промыли так, что не дай Бог. Это ведь уму не постижимо. Поэтому надо было раньше, а сейчас раз пошли на это, надо добывать. Если мы не добьем, то война оттянется на несколько лет.

— Есть ли у вас желание приехать в Екатеринбург — Свердловск?

— Вы знаете, я каждый год собираюсь, но что-нибудь да случается. А потом есть одно «но». Когда я начинаю думать, ну вот приеду я сейчас туда и приду на Уралмаш. Никого не осталось. Вот я перебираю всех, с кем я работал, никого не осталось в живых. Их никого нет. Ну ехать только в Верх-Нейвинск, чтобы посмотреть на родственников супруги. А так, конечно, хочется.

— Но ведь вы занятой человек. Если бы у вас было много времени для этого. И еще один такой небольшой вопрос: Самое простое решение в жизни и самое сложное решение в жизни.

— Самое сложное решение было тогда, когда я вроде из прогрессивного человека, думающего человека, когда меня в 1989–1990 гг. идиотом сделали.

— Вы проявили твердость характера?

— Отстаивал, не дай Бог. Я не знал с какой стороны сердце, и вдруг меня ночью увезли с инфарктом.

Я все больше склоняюсь к мысли, что знаменитый Чижевский был прав в своих теориях о влиянии солнца на поведение людей. Вот я вспоминаю людей, и вспоминаю, что они творили со мной, и это невероятно. Как люди могли это делать?? Ужас...

Я думаю, Господи, вы же совсем не такими были. Поэтому я все больше верю во влияние солнца на поведение общества и людей. Эти фразы в публикациях: «Правительство

нищеты... Правительство Рыжкова... в отставку!». Чего только не было.

Самое главное в моей жизни, я не ангельский человек, разное было. Я нормальный человек, был всегда, нормальный. Я никогда зверем не был. Но я достаточно твердый был мужик... Но самое главное, я, потом вспоминаю, что происходило, те люди, которых я бил сильно, были и такие... вот, они оказались потом ближе ко мне. А те, которые лизали, говорили: «Какой ты хороший, какой ты красивый...», они как правило, все подонки оказались. Вот этому жизнь меня научила.

А вылечил меня, если честно, Белгород. Никогда не верьте, что человек, который был на самом вершине, как курица отряхнулся и пошел. Нет, чепуха! Власть оставляет очень большое влияние на человека. Это легко не проходит. Это ты должен всегда понимать.

Я в тяжелом положении был года три. Я все книги уже прочитал, перенасытился этими книгами. Потом я попал в Белгород и связался с Прохоровкой, совершенно случайно¹⁵.

Потихоньку стал смотреть, как они живут, чем они дышат. Потом стал думать и сделал вывод: Что ты терзаешься? Что, ты дворянской семьи? Подумай, откуда ты вышел? Ты пришел из нормальной шахтерской семьи, где знали, что такое кусок хлеба! Чтобы его заработать, нужно в шахту лезть. Ты — нормальный человек. Ну побыл ты наверху. Ты вернулся туда, откуда пришел. Так что кончай.

Я стал смотреть, как люди живут, как в селах работают, как кусок хлеба добывают и тогда у меня проснулось, что зря я терзаюсь. Так я постепенно выздоровел.

— А Щадова вы помните?

— Конечно, Михаил Иванович¹⁶

— Приезжаю на шахту, надеваю робу, спускаюсь в шахту... Хорошее впечатление он произвел. Я пришло рассказ, который я написал про поздравление...

— Был Михаил Иванович в Кемерово. Часов пять вел переговоры с забастовщиками. Приехали там... Он как рубанул: А, идите вы на...

На второй день приходит Лапин и телевизионщик и просят наказать Щадова.

— За что? Я его наказывать не буду, его просто допекли! Будете жаловаться в политбюро? Ну что ж, я тогда расскажу, как вы доводите министров, что они из себя выходят!

Время, отведенное для интервью, заканчивается. Вместо запланированного часа пролетело два с половиной. Делаем совместную фотографию на память. У Николая Ивановича встреча, заседание комиссии Совфеда.

— Хотел бы сказать, что у нас в Верхней Пышме очень хороший музей техники.

— Мы знаем.

— Ведь они где-то достают это все.

¹⁴ Константин Иванович Скрябин (1878–1972, Москва) — русский и советский биолог, основатель отечественной гельминтологической науки. Академик АН СССР, ВАСХНИЛ и АМН СССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинских (дважды) премий. Кавалер шести орденов Ленина.

¹⁵ Музей-заповедник Прохоровское поле (Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле») — многофункциональный комплекс, объединяющий различные объекты, служащие увековечиванию и популяризации подвига, совершенного во время Великой Отечественной войны. В районе Прохоровского поля 12 июля 1943 г. произошло одно из крупнейших за всю историю танковых сражений. Прохоровское поле как место сражения является третьим ратным полем России после Куликова поля и Бородинского. Объекты музея разнесены по территории. Большинство из них расположено в самом посёлке Прохоровка.

¹⁶ Михаил Иванович Щадов (14 ноября 1927 г., с. Каменка Иркутской области — 13 ноября 2011 г., Москва) — специалист в области техники и технологии добычи угля открытым способом, министр угольной промышленности СССР в 1985–1991 гг. Депутат Верховного Совета СССР 11 созыва. Член КПСС с 1947 г., член ЦК КПСС в 1986–1990 гг. Кандидат технических наук (1985), доктор технических наук (1991), профессор (1995).

— Они богатые люди. Ну, сейчас, да. У нас таких денег никогда не было и не будет. Они сделали очень сильный музей. Открыли новый корпус. Мы их знаем они даже подарили броневомобиль. Я приехал к ним¹⁷ вечером с самолета, они сидят втроем директриса и еще двое, сидят пьют чай. Я говорю:

— А вы кто такие?

Они:

— Да мы едем на юг отдыхать.

Один из них был директор музея. Короче посидели поговорили выпили немного.

— Хороший у вас музей. Так вы же, — говорю, — богатые люди. Разве можно сравнить нас нищих?

Ну, я им говорю:

— Подарите что-нибудь нам. Такие деньги вы имеете, нам не снились никогда.

И у них был броневомобиль 1942 г. они его отремонтировали, и отдали нам. И он теперь впереди идет, когда мы несколько раз в год устраиваем парады идет впереди колонны. Изготовлен точно в 1942 году, а ремонтировали где-то под Москвой.

Мы уходили от Николая Ивановича Рыжкова, покоренные его харизмой, позитивным отношением к жизни, житейской и профессиональной мудростью.

Москва. Совфед РФ
20.07.2022

¹⁷ Имеется ввиду музей Прохорова.

Статья поступила в редакцию 21.07.2022, принята к публикации 11.08.2022
The article was received on 21.07.2022, accepted for publication 11.08.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация; <http://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, Researcher ID AAD-7911-2019, Scopus Author 57211589146, e-mail: v.v.zaparij@urfu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Zapariy, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Professor of Department of Russian History, Ural Federal University the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation; <http://orcid.org/0000-0002-3326-4796>, Re-searcher ID AAD-7911-2019, Scopus Author 57211589146, e-mail: v.v.zaparij@urfu.ru